

**«Проблемы создают не другие люди,
другие люди лишь позволяют нам осознать,
какие проблемы стоят перед нами»**

ИНТЕРВЬЮ С ХУЛИАНОМ КАРРОНОМ

БЕСЕДОВАЛ АНХЕЛЬ Л. ФЕРНАНДЕС РЕКУЕРО, ФОТО ЛУПЕ ДЕ ЛА ВАЛЛИНА

Хулиан Каррон родился в Наваконсехо в 1950 году, изучал богословие в семинарии в Мадриде, числился слушателем Французской библейской и археологической школы в Иерусалиме. Возведен в священнический сан в 1975-м, еще через год окончил богословский факультет Папского университета Комильяс как специалист по Священному Писанию. В 1984-м защитил докторскую диссертацию по богословию на богословском факультете в Бургосе, на севере Испании. Является преподавателем в Институте богословия, религиозных и катехитических наук при Университете Сан-Дамасо в Мадриде и преподавателем Нового Завета на богословском факультете там же.

С 2005 года возглавляет Братство «Общениа и освобождения», важнейшего итальянского католического движения.

Мы с Хулианом встретились в баре мадридского отеля «Las Letras» во время одного из его кратких визитов в Испанию. Разговорились о политике, разуме и науке, и он объяснил, куда уходят корнями изменения, имеющие место в западном обществе и опирающиеся на идеи Просвещения. Кроме того, Каррон рассказал, как живут христианством в «Общениа и освобождении» и почему это может сыграть важную роль в нашем будущем. Общаться с ним легко, он вежлив, выражается ясным образом и обладает выдающейся способностью убеждать даже таких закоренелых атеистов, как человек, бравший у него интервью.

В каком смысле западное общество находится перед лицом антропологического кризиса?

Мы видим, как на наших глазах терпят крах основания, казавшиеся нам нерушимыми. Подумаем об иммигрантах, о реакции многих людей на феномен беженцев. Кто мог бы вообразить всего несколько десятилетий назад, что мы, годами мечтавшие о падении Берлинской стены, сможем вновь возвести стены в Европе? Подумаем о пустоте, господствующей в обществе и способной в конце концов перерасти в терроризм и насилие, чему мы свидетели. Посмотрим, как ведут себя Соединенные Штаты или Европа перед лицом великих вызовов нашего времени. Как говорил Бауман, такое положение дел порождает неуверенность и страх.

Действительно ли ценности пошли прахом? Плохо ли это?

Что такое ценности? Качества, делающие нас лучше. Свобода, великодушие или солидарность – весьма желанны для нашей культуры и играют в ней основополагающую роль. Ценности позволяют нам обнимать инаковость другого, облегчают нам отношения с теми, кто

отличается от нас, помогают выйти за рамки уже существующих схем – одним словом, делают жизнь более человеческой, менее жесткой.

С чего необходимо начинать созидать заново?

Чтобы заново начать созидать, нужно первым делом понять, что уже произошло и что происходит в настоящий момент. Нынешний кризис нельзя сравнивать с предыдущими, поражавшими Европу в последние столетия; мы оказались перед кризисом, который папа Франциск определяет как «перемену эпохи». В чем же разница? В том, что изменения затрагивают человеческую жизнь на всех ее уровнях: от отношений отцов и детей до отношений учителей и учеников, до отношений с мигрантами, до международных отношений. По моему мнению, мы наблюдаем конец мира, порожденного Просвещением. Если бегло пересмотреть историю, можно увидеть, что жизнь Европы характеризовало религиозное единство, которое было следствием христианского присутствия. Это религиозное единство драматичным образом стало сходить на нет вследствие протестантской реформы. Европейцы устали биться между собой по религиозным поводам в так называемых религиозных войнах, и возникла необходимость поставить общество на новое основание. Что же у нас остается общего и что позволяет нам жить вместе, когда мы уже больше не разделяем религиозных убеждений? Ясное дело, разум. Какова же была мысль просветителей? Сотворим религию в пределах только разума – сказал Кант. Папа на покое Бенедикт XVI очень лаконично разъясняет суть этой гениальной интуиции. В эпоху Просвещения на фоне «противоборства конфессий», была предпринята попытка спасти важнейшие ценности [жизни: личность, свободу, разум], «сделав их настолько очевидными, чтобы они не зависели от различных философских течений и религиозных конфессий». «Таким образом было выражено стремление упрочить основы совместного существования и – в более широком смысле – основы человечества. В то время это казалось реальным, поскольку великие убеждения, принесенные христианством, в большинстве случаев могли сдерживать натиск и казались незыблемыми». Ценности эти признавались всеми, что позволило преодолеть разделения и противостояния, возникавшие в результате религиозных столкновений.

Что же происходило с тех пор, со времен Просвещения по сей день?

В этом и заключается главный вопрос. Удалось ли этим убеждениям устоять в процессе исторических преобразований? Папа Бенедикт, которого никак нельзя назвать скептиком, утверждает: «Поиск обнадеживающей уверенности, могущей оставаться несомненной, невзирая ни на какие различия, потерпел крах». Не понимая, что описанные попытки окончились провалом, мы не понимаем ни природу нынешнего кризиса, ни его глубину. На наших глазах распадается то, чем стояла, несмотря ни на какие вызовы, наша совместная жизнь в последние несколько веков. Меня поразило, что на следующий день после избрания Трампа Эцио Мауро, бывший главный редактор газеты «La Repubblica», одного из наиболее значимых в Италии ежедневных изданий, написал: «Мы верили, что демократия распространится как единственная выжившая религия. Однако отречение от арабской весны, а затем – смертоносная агрессия исламского джихада дали нам понять: то, чему мы приписываем универсальную ценность [то есть демократия], существует исключительно в западном периметре и в западных рамках».

Должны ли были арабская и другие культуры пройти подобную просветительскую стадию развития, чтобы понимать демократию так, как понимаем ее мы, и видеть в ней ее подлинную ценность?

Меня впечатляет, с какой честностью папа на покое Бенедикт XVI признал, что, когда христианство вопреки своей природе превратилось в государственную религию, именно просветители вновь заговорили об исконных христианских ценностях и вернули разум на его

настоящее место. К этому переходу, совершенному христианством и западной культурой, призваны и другие религии и культуры в рамках любого доступного им способа. Напряженность, имеющая место в жизни многих арабских стран, свидетельствует о трудностях, которыми отмечен их путь.

В вашей книге «Безоружная красота» вы связываете терроризм в Европе с бездонной пустотой, господствующей в умах множества молодых людей. Как соотносятся эти два явления?

Для меня стало открытием чтение работ великих французских мыслителей, объясняющих эту взаимосвязь. Со стороны нам может показаться, что происходящее является лишь проблемой иностранного религиозного фундаментализма. Однако многие молодые люди, совершившие теракты во Франции, родились в этой стране, были французами во втором или третьем поколении и получили французское образование как граждане Французской Республики. Тем не менее, в определенный момент они уже не могли уловить во французском обществе ничего, что представлялось бы им интереснее насилия. Этот факт должен вызвать у нас определенные вопросы. Чем они жили, в результате чего дошли до насилия? И это касается не только мусульман, как упорно твердят некоторые аналитики: среди ожесточившейся молодежи есть дети французов, итальянцев, испанцев, покидающие дом, чтобы присоединиться к ИГИЛ. Отцы мусульмане сталкиваются с той же сложностью, что и отцы христиане: они оказались не в состоянии так сообщить своим детям религию, чтобы она стала для них притягательной. Но это не только их личная проблема. Секуляризация – результат неспособности западных христиан передавать христианскую веру привлекательным образом. И с нами, и с ними, случилось одно и то же, и по причине одной и той же пустоты, образовавшейся и в нас, и в них, терроризм может превратиться в нечто заманчивое. Люди либо встречают что-то, ради чего есть смысл жить, либо впадают в экстремизм.

В чем суть понятия «безоружная красота» (кроме того, что это прекрасное название для книги)?

Название родилось именно как ответ на террористические акты. Если рассматривать их на той глубине, о которой мы говорим, они становятся вызовом, брошенным всему западному обществу. Я спросил себя, можем ли мы, христиане, предложить что-то людям, приезжающим в Европу, где, с теоретической точки зрения, они должны бы столкнуться с христианской культурой и христианским присутствием. Словосочетанием «безоружная красота» я хотел сказать следующее: «По-прежнему ли мы, христиане, верим в побеждающую притягательность безоружной красоты нашей веры?» Под «безоружной красотой» я подразумеваю христианское присутствие, столь притягательное, что оно делает более интересной жизнь всех людей.

Знаком ли «Общению и освобождению» опыт силы, присущей этой «безоружной красоте»?

Да. На самом деле наше Движение возникло как попытка ответить на безразличие к вере. Луиджи Джуссани заметил его в учащихся одного миланского лицея в начале пятидесятых годов. Многие из них, отошедшие от веры, ощутили для себя вызов в том, как увлекательно он сообщал христианство, обращаясь к их разуму и свободе. С тех пор Движение привлекло большое количество людей, и сегодня мы продолжаем наблюдать, насколько эта красота притягательна в нынешних обстоятельствах. Мне в голову приходят те, кто встречает нас в университетах или на работе и сталкивается с иной человечностью, порожденной верой. Я думаю и о социальных инициативах, с помощью которых мы пытаемся ответить на проблемы воспитания детей, испытывающих затруднения в школе: при содействии преподавателей, бесплатно выделяющих время на этих ребят, мы предлагаем им помощь во

второй половине дня. Ощущая такую поддержку, многие из них, в том числе и мусульмане, находят для себя место, меняющее их жизнь. Их жизнь меняют не нравоучения: они должны увидеть, как кто-то им помогает, заботится о них, безвозмездно предоставляет им шанс чему-то научиться. Только тогда они включаются в процесс, только тогда завязываются отношения, и становится возможно то, что казалось невозможным, ведь эти ребята – из одного поколения с теми, кто практикует насилие. Вопрос в том, с кем они встречаются, когда начинают жить у нас.

Вы верите, что вера способна пробудить интерес в молодых людях, не видящих смысла в собственной жизни?

Да, если, конечно, христианство преподносится в его подлинной природе, потому что в этом заключается еще один основополагающий вопрос: что такое христианство? Неоднократно то, что принимали за христианство, было не чем иным, как сводом нравственных правил, или ограничивалось сентиментальными переживаниями, или не выходило за рамки религиозного формализма, однако все это не способно захватить, привлечь ничью жизнь. Я знаком с теми, кто не приобщился к вере в семье, кому она не была привита традицией. Встретившись же с живым христианством благодаря отдельным людям, семьям, социальным проектам, увидев на их примере, как может перемениться жизнь, они без каких-либо проблем открылись вере, последовали за родившимся в них желанием не потерять красоту того, чем они жили.

Наше поколение связывает публичное присутствие Церкви в Испании исключительно с борьбой за половую мораль и за право преподавания в школе. Почему то, что должно бы быть вселенской вестью, оказалось столь умалено? Каким образом присутствие Церкви может стать иным?

Этим вопросом много лет назад задался английский поэт Томас Стернс Элиот: «Это Церковь предала людей или люди предали Церковь?» Чтобы Церковь стала иным присутствием, необходимо только одно: мы, христиане, должны понять, как в сложившейся ситуации (а нынешний кризис – это возможность) открыть истинную природу христианства. Христианство есть прежде всего событие Бога, ставшего человеком и продолжающего пребывать в истории через измененную жизнь тех, кто за Ним следует.

А как оно сообщается?

В этом-то вся суть. Люди, которые встречали Иисуса и бывали с Ним, оставались настолько изумлены происходившим, что восклицали: «Никогда мы не видели ничего подобного!» Он настолько пленял их, что они следовали за Ним. Моя знакомая монахиня как-то раз рассказала мне, как, оказавшись в больнице, увидела нескольких медсестер, и одна из них отличалась от остальных. Сестра начала задавать вопросы ее и выяснила, что та жила определенным христианским опытом. То же самое повторилось неделю спустя, когда ее внимание привлек один из врачей. В результате она попросила их помочь ей в руководстве больницей, строительством которым она занималась в Эфиопии. Свою просьбу монахиня объясняла желанием, чтобы эфиопы могли встретить людей, сообщающих другим новизну жизни, рождающуюся от веры и проявляющуюся в том, как они выполняют свою работу. Если так не происходит, если не повторяется случившееся в самом начале, христианство никому не будет интересно.

Христианство как опыт, а не как идеология...

Это очевидно. Сегодня передаваться способно лишь христианство, ставшее опытом. Основатель нашего Движения отец Луиджи Джуссани настаивал на том, что природа христианства – это событие. Кант соглашался: «Если бы Евангелие не научило бы нас всеобщим нравственным нормам [ценностям, о которых мы говорим] в их целостности, то

разум не познал бы их в полноте. Однако, когда они уже имеются, всякий человек способен убедиться в их справедливости с помощью одного лишь разума». Подобно другим просветителям Кант признавал значение воспитательной работы, которую Церковь проводила, чтобы передать указанные ценности. Но, по его мнению, как только люди распознают их, им уже более не нужно принадлежать Церкви, чтобы поддерживать их живыми. Достаточно разума, чтобы признать их справедливость. Что же происходит сегодня на наших глазах? Как мы видим, одного лишь разума мало, чтобы ценности оставались жизнеспособными. Когда ценности, познанные в свете определенного исторического факта, отделяются от их истока, они превращаются в идеологию. Именно такой крах мы и наблюдаем. Когда выключаешь отопление, тепло держится в течение какого-то времени, однако, если источник перекрыт, оно не сохраняется, и рано или поздно, холод проникает повсюду.

Вы как-то сказали: «Христианская вера не только не боится полноценного использования разума, но и требует этого». Должен ли разум, о котором идет речь, подчиняться нравственности, утвержденной две тысячи лет назад?

Вера подчинена исключительно признанию притягательности, исходящей от другого человека. Как когда влюбляешься. Влюбляясь, мы начинаем давать пространство существованию другого, которое воспринимаем как нечто крайне важное. Влюбляясь, мы постепенно меняем индивидуалистский взгляд, имеем в виду другого в том, как тратим время и деньги, как обращаемся с вещами. Иначе говоря, этика есть следствие события, происходящего в жизни. Никто не говорит: «Я влюбился, и теперь мне, к несчастью, придется встречаться с моей девушкой». Свидания с девушкой, в которую я влюблен, – нормальное этическое следствие события. А если мне не по душе свидания с ней... так, может, я и не влюблен вовсе! Никакой диктат не будет в силах убедить кого-то в том, что он влюблен. То же самое и с христианством. Христианство – важное событие. Люди, встречавшие Иисуса, к своему удивлению замечали, что жили повседневной жизнью не так, как раньше. Он переживали привычные вещи по-новому.

А если говорить о науке и искусстве, не обладают ли они такой же или даже большей, чем вера, притягательностью и не объясняют ли смысл жизни? Можно ли их сравнивать?

Наука и искусство по-своему выражают попытку человека войти в глубину реальности. Именно поэтому вершина научных исследований и творчества – ощущение тайны, чувство, что подступился к чему-то неукротимому. Меня всегда поражало, что ученый такого масштаба как Эйнштейн, называл опыт тайны самым прекрасным опытом, доступным нам. В сердцевине подлинного искусства и подлинной науки улавливается именно это основополагающее волнение. Тот, кому оно незнакомо и кто не задается о нем вопросами, тот, кого оно не поражает, подобен мертвецу с невидящим взглядом. Вот почему значение искусства и науки безмерно. Проблема же возникает, когда жизнь, полная неотложной потребности в смысле, обостряется. В такие моменты мы должны понять, способны ли наука и искусства ответить на неотложные нужды, в состоянии ли они осветить болезненные обстоятельства и придать сил, чтобы жить и не впасть в отчаяние. Христианство – весть о том, что глубочайшая суть реальности стала событием человеческой жизни.

Возьмем великие вызовы, стоящие перед современной наукой: генетику, искусственный интеллект или механизмы работы мозга. На мой взгляд, религии чинят одни только препятствия развитию...

Не думаю, что у религии как таковой имеются возражения. Вопрос в том, затрагиваются ли во всех этих случаях проблемы, связанные с тем, кто такой человек, в чем заключается его

достоинство и так далее. Речь о проблемах этического характера, которые всем нам знакомы. К примеру, когда рассматривается гипотетическая возможность создания робота, обладающего автономностью, все мы хватаемся за голову, поскольку это чревато неконтролируемыми последствиями. То есть возникает проблема, связанная с жизнью и с тем типом общества, которое мы желаем строить.

Церковь и современное искусство – два источника красоты, которые, кажется, диаметрально противоположны друг другу и взаимодействуют лишь на уровне конфликта. Каким образом они могут вновь встретиться?

Уверен, Церковь ничуть не пытается защититься от красоты. Произведения искусства приводят в трепет весь человеческий опыт. Песни, поэзия, картины пробуждают в нас ностальгию и радость, которые мы не могли бы познать никак иначе. Вот почему вера и искусство не являются несовместимыми; более того, человеку веры, человеку, сознающему самого себя, присущ вкус к красоте. Как говорил Фома Аквинский, «красота есть сияние истины». Искусство – это поиск красоты, и его исход не гарантирован по умолчанию. Нужно, чтобы люди готовы были открыться перед вопросами, исходящими от истины. Ценность попыток, предпринимаемых художником, определяется его устремленностью к истине. Она не зависит от результата, который может оказаться спорным.

На протяжении истории были периоды, когда Церковь и искусство не только не противостояли друг другу, но, более того, Церковь вдохновляла даже неверующих мастеров на создание невероятных произведений. Однако сейчас дела обстоят несколько иначе. Почему же нет диалога? И как Церковь могла бы изменить ситуацию?

Исторически не существовало никакого противостояния (мы убедимся в этом, если вспомним грандиозное культурное наследие Церкви), и это говорит о том, что между верой и искусством нет никаких принципиальных возражений. Подумаем о Гауди и его храме Святого Семейства. Порой случается, что те или иные художественные формы нелегко получают признание. Я не могу говорить за всю Церковь вообще. Мы принадлежим к Движению, а отец Джуссани всегда призывал нас читать поэзию, слушать музыку, и с интересом подходить к работам великих мастеров, таких как Джотто или Караваджо. Он предлагал нам, например, читать Леопарди, что для определенного типа клерикального мышления было почти возмутительно. Сам он начал учить наизусть его стихотворения, когда ему было тринадцать лет, и как-то раз целый год не читал ничего, кроме Леопарди: для него это было способом входить в близкие отношения с Тайной.

Какой свободой должен обладать человек, какой уверенностью в том, что он несет в себе, чтобы вступать в диалог, в том числе и с людьми, совершенно не разделяющими его взгляды?

Свобода диалога возникает от уважения к человеческому опыту, которым живет любой человек. Такое уважение позволяет входить в отношение с богатством опыта другого, чтобы им обогатиться. Почему мы двое беседуем? Потому что нам интересно узнать друг друга, обменяться мнениями, в свете которых мы встречаем жизненные вызовы, независимо от того, какие ответы мы предложим читателям. Мы заинтересованы друг другом. Другой – это благо. Можно было бы повторить вслед за Теренцием: «Ничто человеческое мне не чуждо». Когда у нас есть такая уверенность, мы без проблем вступаем в диалог.

Зигмунт Бауман утверждал, что сегодня нет никакой пользы в барьерах и стенах. Вы разделяете его мнение?

Я нахожу наблюдение Баумана очень интересным в связи с вызовом иммиграции. Мы можем строить какие угодно стены и пытаться отослать всех обратно. Однако, отослав обратно всех,

кто нам не нравится, мы начнем осознавать, что еще и не брались за укладку основания для решения имеющихся у нас проблем. Проблемы создают не другие люди, другие люди лишь позволяют нам осознать, какие проблемы стоят перед нами. Не иммигранты создают пустоту, с которой они сталкиваются, приезжая к нам. Другие люди помогают нам отдать себе отчет в том, что наше общество не в состоянии предложить ничего притягательного как альтернативу террористическому насилию. Подобное положение дел существует не только сегодня в виду так называемого исламского терроризма. В Италии, как и в Испании, мы на протяжении долгих лет жили при терроризме, породившем жестокое насилие и не имевшем ничего общего с терроризмом исламским. Часто утверждение связи между терроризмом и религией слишком поверхностно.

Одно из последствий терроризма состоит в том, что другой превращается в угрозу, и это происходит на фоне наступления «пост-истины», при обязательном пособничестве СМИ. Как нам выбраться из подобного обмана?

Победить обман можно только в том случае, если один из собеседников не отвечает на угрозы другого его же монетой. Я думаю, что другой является благом для меня, в независимости от того, согласен я с его мыслями или нет и как другой меня воспринимает. Для меня в этом неизменно заключается фактор большей зрелости. Сколько раз я возвращался домой уязвленным, потому что кто-то сказал мне неприятные вещи, и на следующее утро я просыпался с той же язвой на душе и не мог ни полистать газету, ни выслушать друга, ни почитать из-за боли, которую она вызывала во мне. И вовсе не обязательно другой прав. Порой люди могли ошибаться, но вопрос не в этом. Такие вызовы помогали мне бодрствовать, быть внимательным, держать в уме открытыми вопросы, чтобы уловить ответы на них, которые в противном случае остались бы незамеченными. Любая подобная ситуация оказывалась для меня благом, хотя жизнь и не текла безмятежно и не была слаще меда. Причина в том, что отношение с другими всегда драматично, в том числе и когда речь о любимых людях. Почему? Потому что они бросают вызов, потому что не являются продолжением нас самих: они инаковы, а инаковость непременно провоцирует. Кризис, как говорила Ханна Арендт, всегда заставляет возвращаться к вопросу, а значит, может представлять собой возможность роста.

Кто вам ближе, Гоббс или Руссо?

Сложно сказать. Мне кажется, оба отстаивают действительные, но неполные аспекты человеческого опыта. Исторический человек, то есть каждый из нас, отмечен некой раной. Представим себе ребенка на руках у матери, с его открытостью, с его любопытством, с желанием быть рядом с родителями. Проблема в том, что потом ребенок начинает жить в социальном контексте, который во многих случаях не помогает этому любопытству сохраниться. Раны, нанесенные нашим собственным злом, нашими проблемами, нашим непониманием, злом, сотворенным другими, ведут к подозрениям. Несколько лет назад поехал в лагерь с группой ребят из общины, созданной администрацией Мадрида с целью помочь детям, у которых были сложности в семье. Последний поступивший мальчик избил свою мать. Помню, как сложно было воспитателям входить с ними в отношения, поскольку в них доверие, свойственное детям от рождения, претерпело изменения. Они так пострадали, что были уже не в состоянии отвечать на великодушные усилия воспитателей и могли только защищаться. Это не изначальная человеческая позиция, а следствие нарушений в нормальных отношениях тех детей с реальностью. Когда человек ранен, он занимает оборонительную позицию. Необходимо место, где наши раны зажили бы.

Мы, европейцы, унаследовали христианство и его ценности. Не является ли христианская «филантропия», которой весьма расчетливо хвалятся и левые,

ахиллесовой пятой западного общества, если учитывать, какие геополитические проблемы стоят перед нами?

Все зависит от того, что именно мы понимаем под христианской «филантропией». На презентации моей книги в Бразилии вместе со мной выступал один судья, который рассказал мне, как несколько лет назад вел процесс над человеком, совершившим преступление. Он вынес обвинительный приговор, и, когда его зачитали, осужденный сказал: «Послушайте, господин судья, я не готов сесть в тюрьму». Тот возразил: «Я тебя понимаю, никто не готов сесть в тюрьму. Однако ты совершил преступление, и, если не подаешь на апелляцию, тебе придется туда отправиться». Тогда его собеседник сказал: «Я не отрицаю преступления и не обсуждаю наказание, но моя семья находится в крайне тяжелой ситуации, и она только усугубится, если я не улажу некоторые вопросы до того, как попаду за решетку. Дайте мне десять дней, так я смогу привести в порядок семейные дела, а затем отбуду срок». Судья остался под впечатлением и ответил: «Я вижу, ты искренен, и даю тебе тридцать дней». По окончании тридцати дней осужденный предстал перед судьей. Последнего это настолько поразило, что он не стал вызывать полицейских, чтобы они надели на него наручники и отвезли в тюрьму, и вместо этого написал ему адрес, по которому тот человек мог самостоятельно отправиться отбывать наказание. Нам такое поведение может показаться наивным, а в Бразилии существует тип исправительных учреждений, где нет надзирателей. И тут уж никак нельзя думать о наивности: по сравнению с обычными тюрьмами здесь показатель рецидивов снижен с восьмидесяти процентов до пятнадцати, и все благодаря вызову, который бросают человеческому сердцу, как сделал тот судья. Никто не верит, но данные говорят сами за себя. Система заслужила столь глубокое уважение, что недавно при подписании мирного соглашения между правительством Колумбии и партизанами – соглашения, подразумевающего в том числе и внедрение тысяч бывших террористов в общество (без чего спокойного сосуществования придется ждать веками), было решено перенять опыт бразильских тюрем. Это не означает, что подобные учреждения годятся в любых условиях. Люди могут предать наше доверие, но, если мы не начнем двигаться в таком направлении, нам не удастся породить новую реальность, новое общество, иные формы взаимоотношений. Мы так и останемся в ловушке системы, и ничто не изменится. Я понимаю, почему многим христианство кажется наивным. Нужно понять, существует ли способ смотреть на людей иначе, чтобы они начали задумываться о возможности жить по-другому, пребывать в реальности совершенно иным образом. «От любви не бегут», – ответил один заключенный, когда его спросили, почему он, сбегавший из всех предыдущих тюрем, не бежит из той, где находится в настоящий момент. Там он испытал на себе взгляд, отличавшийся от всех остальных.

Хавьер Прадес, давая нам интервью, назвал христианство самой преследуемой религией на планете. Почему так происходит?

Думаю, причины тут разные. Мы, христиане, порой совершали ошибки, и потому определенная враждебность может быть оправдана. Однако, на мой взгляд, связь гонений исключительно с ошибками не раскрывает проблему в полной мере, ведь в большинстве случаев насилие имеет своей целью невинных людей. Взрыв бомбы в церкви, полной верующих, не наделенных никакой властью, или убийство французского священника, служащего мессу, как мне кажется, вызваны не только лишь ошибками христиан. Безоружный приход Бога, ставшего человеком ради спасения людей, Бога, совлекшего с Себя Свою божественную власть и явившего Себя в образе человека, которого можно неправильно понимать, презирать, распять, – вызов для человеческого разума. Те, кто не хочет принимать его, способны на жестокую реакцию, как это случилось со Христом. Почему? Потому что христианство притязает на спасение жизни, но оно не стремится навязать его силой, а обещает нечто настолько соответствующее желаниям сердца, что человек остается поражен. И тогда

он либо благодарен за обретенный ответ, либо отказывается от него и в попытке как-то оправдать отказ производит грандиозное насилие.

Не нужно ли нам вернуться к конфессиональному государству, к Европе, основанной на христианских законах?

Думаю, Церковь со времен Константина до Второго Ватиканского собора проделала долгий путь, позволявший ей все отчетливее понимать, что единственный способ сообщения христианской веры связан со свободой. Церковь не стала говорить: «Поскольку не удалось убедить людей в истинности христианства, защитим хотя бы религиозную свободу», – она осознала природу истины в глубинной ее сути. Если позволите, я процитирую одно основополагающее утверждение Второго Ватиканского собора: «Истина насаждается силой самой же истины». Иными словами, истина не нуждается ни в какой сторонней поддержке, достаточно притягательности, привлекательности самой истины. Вот почему главный вызов, стоящий сегодня перед Церковью, заключается не в возвращении к конфессиональному государству, а в таком свидетельстве о вере, которое побуждало бы разум и свободу человека. Именно так началось христианство. Разум и свобода имеют для него решающее значение, поскольку Иисус не хотел, чтобы люди верили в Него наивно, как простачки, или же по принуждению. Христианская вера подразумевает использование разума и свободы, без них она никого не заинтересует. Христианская вера вызовет интерес у современного человека только в пространстве, лишенном ограничений, ведь для современного человека (и тут Просвещение сыграло основополагающую роль) нет большего блага, чем свобода. В наши дни нельзя и думать о том, чтобы предлагать или навязывать что-либо, противоречащее свободе.

Когда мы брали интервью у Хуана Мануэля де Прада, он говорил, что «тот, у кого на руках все козыри, может позволить себе роскошь подгонять реальность под собственные идеологические предпосылки». Как Церкви бороться с искушением гегемонии и использования власти для утверждения веры?

Искушение гегемонии преодолевается исключительно за счет все более глубокого погружения в природу веры, а не путем изобретения новых способов убеждения. Нет иного пути. «Истина насаждается силой самой же истины». Христианство разнеслось по Римской империи в условиях гонений, не прибегая к гегемонии. В истории Церкви мало найдется столь же миссионерских периодов, отмеченных таким широким распространением веры. Следовательно, пространство свободы для христианства – дом родной, и потому мы, христиане, не можем опираться ни на какую власть, а лишь на красоту того, чем живем.

Расскажите, что представляет собой «Общение и освобождение» и чем оно отличается от других движений.

Движение «Общение и освобождение» родилось в пятидесятые годы в Милане, когда христианство играло ведущую роль и все крупные христианские организации и ассоциации были полны верующих. Основатель, Луиджи Джуссани, начал замечать, что старшеклассники, происходившие из христианских семей, приступившие к Таинствам Причастия и Миропомазания, участвовавшие в свое время в приходской жизни, в большинстве случаев утратили веру. Тогда ему стало ясно: такое положение вещей нельзя было объяснить исключительно отсутствием интереса к вере. Он увидел причину в том, что никто не преподнес тем ребятам веру в ее связи с прочими жизненными интересами. Ему сразу же захотелось показать неотъемлемость веры от потребностей жизни, от ее конкретных проблем, благодаря чему множество его учеников начали вновь соотносить себя с верой, позабыв, как однажды они решили, что вера их больше не интересовала. С тех пор все, чем занимался Джуссани в Движении, было направлено на то, чтобы предложить поколениям

встреченных нами людей возможность уловить, насколько вера по-человечески полезна в решении общих для нас жизненных проблем. Говоря просто, это и есть христианство: Христос пришел не усложнять нам жизнь, а помочь нам встречать трудности лицом к лицу в лоне компании, без которой все только усложнилось бы.

Какой путь вы проделали из Наваконсехо, городка в испанской области Эстремадура, чтобы оказаться на вашем нынешнем месте?

Это тайна, последнее, о чем я только мог подумать. Когда Джуссани начал говорить, что Движение должна вести вперед итало-испанская дружба, никто, включая и нас, и не ожидал чего-то подобного. Мы видели, насколько была несоизмерима небольшая община в Испании с огромным по своим масштабам Движением в Италии, а потому никому такие мысли даже и в голову не приходили. После нашего знакомства Джуссани настоятельно просил, чтобы я помогал ему, и я, естественно, всегда отвечал согласием. В конце концов он устроил мой переезд в Милан.

Интерес к «Общению и освобождению» у вас возник в связи с вашей исследовательской работой как специалиста по Священному Писанию, или же это был опыт личного характера?

Это был личный опыт. После рукоположения меня направили в деревушку неподалеку от Мадрида. Оттуда я наблюдал, как разрастались большие жилые районы на окраинах города на фоне проблем внутренней миграции и различных перемен и трудностей. Я видел, что то, чему я научился в семинарии, с чем всем сердцем соглашался, оказалось недостаточным в столкновении с вызовами, встававшими передо мной. Именно поэтому у меня и появился интерес к Движению: оно предлагало жить христианством так, чтобы ничего не оставлять в стороне. Мне хотелось приобщиться к такому способу пребывать в реальности. Первые признаки изменения я заметил во время чтения лекций, в отношении с моими учениками на уроках религии в школе. Встреча с Движением позволила мне бросать им вызов. Я понимал: то, что начало происходить во мне, могло представлять интерес и для других.

Как Движение живет христианской верой сегодня?

Вера, по словам Джуссани, есть признание Христа, присутствующего здесь и сейчас, признание Его присутствия в человеческих знаках. А предлагаемый им путь представляет собой по сути персонализацию веры, как он сам ее называл. Убедиться в пользе веры можно лишь в том случае, если каждый человек проверит это в собственной жизни; иначе говоря, если он начнет переживать жизненные сложности и обстоятельства, от которых никто не избавлен, с достоинством, с благодарностью и светом, какие раньше ему были неизвестны. Мы стараемся помогать людям, чтобы их вера становилась более зрелой и чтобы те, кого мы встречаем там, где находимся (на работе, в семье, в дружеской компании или в рамках наших социальных проектов), осознали, что значит сегодня жить христианской верой «на открытом воздухе».

В западном обществе человеческий прогресс связан с самореализацией личности. Как совмещаются верность Католической Церкви, полное общение с ней и ее пастырями и прогресс?

Несколько дней назад я участвовал во встрече с большой группой итальянских студентов, и один из них задал мне похожий вопрос: «Утверждать, что Христос важнее всего, – не значит ли обесценивать реальность или видеть в ней для себя меньший интерес?» В ответ мне достаточно было спросить: «Ты когда-нибудь влюблялся?» «Да», – ответил он мне, и тогда я продолжил: «А когда ты влюблялся, реальность становилась более интересной или наоборот?» Студент тут же сказал: «Все было гораздо привлекательней!» Христианство

приносит в жизнь присутствие столь притягательное, что и все остальное становится интереснее, в том числе и прогресс. Мы замечаем это, когда влюбляемся: любой факт, любое обстоятельство, даже банальное (например, приготовление ужина для любимого человека), становится событием. Джуссани часто повторял нам фразу Романо Гвардини: «В опыте великой любви все становится событием». Поэтому в такой великой истории любви, как христианство, все обретает значение, невозможное ни в каком другом случае. Мы это видим по опыту человеческой любви: когда любовь тускнеет, приготовление ужина, ранее бывшее возможностью сказать: «Как же я люблю тебя!», – превращается в обязанность, в груз, и мы жалуемся: «Ты уходишь на работу, а я тут готовлю для тебя...» Теряется глубина, которая однажды была присуща этому действию.

Как в рамках традиции Движение понимает желание?

Не так давно я провел духовные упражнения для четырех тысяч студентов на тему, выраженную фразой «К Тебе устремлено все мое желание». Кому мы можем сказать такие слова? К кому обращено все наше желание? В понимании большинства людей желание необходимо приручить или держать под контролем. И это характерно не только для нынешнего времени: до появления христианства античный мир смотрел на хюбрис как на опасную чрезмерность, потому что, позволяя желанию преодолеть пределы собственной ограниченности, человек может дойти до безумия. Поэтому крайне важно было укротить желания, уменьшить их масштаб и держать их в узде. Умеренность считалась добродетелью. Напротив, христианин – единственный, кто не боится взглянуть в лицо желаниям во всей их мощи. Благодаря встрече со Христом христианина, в отличие от античного человека, не страшит безмерность желания. Почему? Потому, что Христос обнимает его целиком и полностью. Лишь в Его объятии наше желание открывается во всей своей силе и глубине. В евангельской цитате, которую Джуссани постоянно повторял, говорится: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, но потеряет самого себя?» Часто мы толковали эти слова в моралистическом ключе, словно они указывают на то, как много требует Иисус. В действительности же они свидетельствуют о трогательнейшем моменте, когда Христос вглядывается в глубины человеческого сердца и обнимает его: «Подумай только, твое сердце столь велико, что лишь Тайна, ставшая плотью, соответствует ему».

Когда я слышу, как вы говорите о влюбленности, о любви, мне хочется спросить, случалось ли вам влюбляться.

Да, я влюблялся, хотя в семинарию пошел еще ребенком. Однако сознание о желании и опыт отношений со Христом, в котором я находил полноту привязанности, какую не получал нигде более, позволили мне посмотреть моему желанию в лицо, ничего в нем не умаляя, не иссушая его, а бросая ему вызов. Не будь у меня личного опыта, я не смог бы все выходные говорить со студентами, ставя в центр желание, побуждая их не обеднять его, не довольствоваться крохами, которые им предлагаются. Проблема именно в этом: как общество отвечает на желание подростка? В большинстве случаев оно предлагает ему вещи, не способные надолго его заинтересовать. Пока мы дети, вполне нормально верить, будто предлагаемое царями – все, чего мы только желали. Потом, со временем, мы начинаем сознавать, что наш дом забит куклами и игрушками, которые нам больше не интересны. Тогда можно заменить игрушки на телефон или другие новые гаджеты, а в перспективе – на людей... Однако весь вопрос в том, существует ли что-либо на высоте нашего желания. Именно такой вызов стоит перед обществом. Он имел место до Христа, сохранился после Него и не исчезнет и в будущем.

Движение называет себя христианским, а не католическим. Это характерно не только для «Общениа и освобождения»: во всем мире, когда речь идет о разумной стороне

религии, говорят именно о христианах, а не о католиках. Почему вы используете именно термин «христианин», а не «католик»?

Безусловно, причина не в нашем стремлении отмежеваться от католицизма, поскольку Движение на протяжении всего своего существования свидетельствовало о полном и беспрекословном общении с папой и Церковью. Тут нет никаких сомнений. Мы настойчиво говорим о христианстве не с целью выделиться на фоне католиков, а чтобы вернуться к подлинной природе христианства, которое «католично» по определению, то есть имеет вселенский характер – для всех.

Движение понимает освобождение так же, как и теология освобождения?

Вопрос в том, какое освобождение отвечает на человеческую надежду. Очевидно, что проблема освобождения гораздо шире и глубже одних только материальных и экономических аспектов, она охватывает жизнь человека в ее полноте. Это становится ясно в опыте, а значит, чтобы разобраться, необходимо отталкиваться от опыта, от тех моментов, когда мы ощущаем себя свободными. Ты ощущаешь себя свободным, когда осуществляется твое желание. Если у тебя есть ребенок и он хочет пойти на праздник, а ты говоришь ему нет, его свобода кажется ему поправной. Если же, наоборот, ты разрешаешь, он бесконечно рад, что его желание исполнится. Проблема свободы заключается в том, что человек не просто хочет пойти на праздник. Он желает быть свободным, увидеть, как воплощается в жизнь безмерное желание, которым проникнуто каждое мгновение его жизни, каждодневной жизни, жизни, поработанной привычкой. Благодаря чему возможно освобождение и как в конце концов не потерять жизнь живая, выражаясь словами Элиота? Некоторые полагают, что нужно освободиться от бедности. Разумеется, это лишь часть ответа, но ее недостаточно. Как много мы знаем людей, удовлетворивших основные свои нужды, но все еще недовольных! Вопрос в том, встречаем ли мы в жизни что-то, способное настолько утолить твое желание, чтобы освободить тебя от всего остального. Освобождение есть общение со Христом, присутствующем в христианской компании, которая, если действительно жить ей, утверждается в мире как фактор подлинной гуманизации.

Можно ли достичь свободы, отказавшись от связей?

Нет. Хотя в определенные моменты мы задумывались об этом, со временем стало ясно, что недостаточно не иметь отношений, чтобы быть свободными. Сегодня мы стряхнули с себя все обязательства, но люди по-прежнему не чувствуют удовлетворения и начинают осознавать, что для достижения свободы недостаточно оборвать связи. Нужно что-то, ради чего стоит прибегать к свободе, необходима причина, достойная того, чтобы действовать, вовлекаться в отношения с кем-либо или чем-либо. Если таковой нет, свобода начинает пугать. Интересно, что уже Кафка говорил об этом: «Люди боятся свободы и ответственности и потому предпочитают задышаться за решеткой, которую сами же и установили». Бауман также отмечал, что страх свободы определяет современное общество, в чем можно убедиться на примере мигрантов. Почему так происходит? Потому что утрачены межличностные отношения, и человек остался как никогда безоружен. Отсюда и страх. Что же позволяет вновь выстраивать доверительные отношения, чтобы жить более по-человечески? Вот вызов, стоящий сегодня перед нами.

В послании *Evangelii gaudium* папа Франциск утверждает, что мы погружены в губительную «экономику исключения». Существует ли потребность в социальных экономических моделях, ориентированных на солидарность?

Безусловно. Нам нужна более человечная экономика, отвечающая интересам общего блага. Почему важны общее благо, экология, солидарность? Потому что все они задействованы в порождении того типа человечности и того общества, которых мы желаем. Долгие годы мы

проявляли равнодушие к странам третьего мира, а сейчас видим, какие проблемы они ставят перед нами и что подвергают риску, и нам становится ясно, насколько сообразней было бы разделить с ними их существование и донести до них материальные блага, а не лишать их всех их ресурсов. Сколько жизней можно было бы уберечь. Если бы мы поддержали их развитие и поспособствовали бы возникновению устойчивого общества, нам не пришлось бы сейчас заниматься строительством стен.

Папа Франциск столкнулся с внутренним церковным сопротивлением его довольно смелым предложениям, а я, читая вашу книгу, подумал, что, наверное, и вам в Движении случалось встречаться с противодействием.

Конечно, бывали такие моменты. Папа представлял и представляет собой настоящую революцию. В масштабах нашего Движения не все сразу же приняли его, то же самое мы наблюдаем и в жизни Церкви. Тут между нами и остальными нет разницы. На мой взгляд, все зависит от того, о чем мы говорили вначале: понимаем ли мы природу брошенного нам вызова. Понять папу Франциска можно, только если проникнуть в природу вызова, стоящего перед нами. В противном случае нам кажется, что проблема исключительно в акценте и в том, что папа приехал из Латинской Америки, и мы рассуждаем поверхностно.

Какие у «Общшения и освобождения» отношения с папой Франциском?

Замечательные. Нам посчастливилось встретиться с ним некоторое время назад, а совсем недавно он направил нам письмо.

И в чем суть письма?

Это знак нежности папы, из которого видно, что он внимательно наблюдает за нами. Святейший Отец сказал мне перед всеми, что еще в бытность свою архиепископом Буэнос-Айреса, с большой пользой для себя читал Джуссани. Ему весьма созвучно наше переживание христианства как встреч встречи, как события. Более того созвучность эта уходит к самым истокам, к его особому способу восприятия реальности. С другой стороны, папа сопровождает нас на нашем пути, призывая постоянно возвращаться к нашим корням, чтобы Движение могло вносить свою лепту, ради которой Дух Святой и пробуждает харизму в Церкви.